

МАКСИМ ЕРШОВ

ЗАВОДЧАНИН

*Отцу, Сергею Ершову,
заслуженному работнику
машиностроения РФ*

ЗАВОДЧАНИН

Может долго признание стыдливое рдеть,
может взгляд отзываться тревогой невнятной.
По стальному закону сыновьих сердец,
могут таять слова в тишине необъятной.

Это заводь молчанья. Она велика —
в ней парят облака и стоят пароходы.
Только жизнь наша долгая так коротка,
что высоким огнём загораются годы.

Значит, розовый свет колыхнётся в лице,
никогда, ни за что и никем нестираем!
Потому я хочу вам сказать об отце,
о своём трудовом, поседевшем отце, —
как у Волги над краем...

ЕРШОВ Максим родился в 1977 году в Сызрани. Окончил политехнический техникум, техник-механик автотранспорта. Учился в Литературном институте им. Горького, в семинаре Станислава Куняева. Постоянный автор "Нашего современника", автор книги стихов "Флагшток". Член Союза писателей России.

Пятилетним ребёнком любил я глядеть
на него снизу вверх — в такт широкого шага.
Чтобы не было страшно, давал мне отец
указательный палец, как древко от флага.

И казалось: как можно так долго идти —
узнавать в каждой улице сторону света?
Для себя он избрал трудовые пути,
как писала о нём городская газета.

Где теперь нам искать её, вспомнить хотя
чёрно-белое фото, открытие наше?
Сообщал достопамятный “Красный Октябрь”:
“Фрезеровщик Ершов. Красный вымпел Тяжмаша.

План сто три и сто пять. Молодой виртуоз...”
— и ещё пару слов о высоком разряде.
Мы гордились, мы всё принимали всерьёз,
мы встречали отца удивленьем во взгляде.

Он входил — молчаливый, усатый мужик,
в “пирожке”, постоянный, как марка Балтфлота.
Капля одеколona, особенный шик,
тот — советский, простой, как большая работа.

На цепочке бесстрастно звенели ключи,
“Комсомольская правда” ждала неизменно.
Но когда со второй возвращался в ночи —
пела “молния”: “вжик! вот и кончена смена”...

Мы ходили в завод. И отца каждый цех —
(третий, пятый, седьмой?) — всяк по своему дельный,
без конца узнавал... Был огромнее всех
девятнадцати метров станок карусельный!

В нашей старенькой “стенке” росли хрустали,
вымпела хоронились от глаз в антресоли.
Был станочник примером. Был солью земли
и, конечно же знал, сколько весит пуд соли.

Он не нажил мехов и высоких палат,
не скопились червонцы, ни фунты и кроны.
Только годы. Они, как вагоны, летят,
и не ловят чинов те, кто “ловит” микроны.

И пока подставлял он под стружку глаза,
обнажая блестящую душу металла,
по стране валом слов прокатилась гроза,
испаря восторг... И Союза не стало.

Стали пасмурны дни. Он остался собой,
огорчён, как трагический голос завода.
Мой отец обзавёлся тогда сединой,
переняв отраженье небесного свода.

Иногда, с чуть заметным движеньем руки,
отвечал на вопрос:
“Пап, ну, как там работа?”
— Да чего там... Опять умирают станки.
Ползавода стоит. Говорить неохота...

Но отчаянья нет и прощания нет —
по закону история движется наша.
И на цехе шестом, через несколько лет,
в красных буквах воспрянуло имя Тяжмаша.

Символ города виден округам. И вот —
над Россией светлеют небесные хляби,
значит, сызранский скоро услышит завод,
как гудят Петербург, и Донецк, и Челябинск.

Значит, всё-таки есть эта правда труда!
О которой, на пятом десятке лет стажа,
постаревший отец никогда-никогда,
как о тайне великой ни слова не скажет.

Он ответит — с привычным движеньем руки:
— Есть заказы. Да так, что в две смены не сдюжим.
Хороши иностранные нынче станки,
только... я им, наверно, не так уж и нужен...

И конечно, когда-нибудь день настанёт:
день, в котором усталости звёзды померкли.
Оставляя рабочее сердце своё,
заводчане уходят... как будто из церкви.

Он оставит незапертым шкафчик стальной
и пойдёт, сжав в ладони ключи жигулёнка.
Но когда обернётся на миг с проходной —
то взревёт
и поставит свой голос стеной,
и сорвётся гудок человечески тонко —

в эту пропасть молчанья...

Она велика,
по-над ней облаками мостят переходы.
Ну, а жизнь наша долгая — так коротка,
что высоким костром загораются годы.

И оранжевый свет открывает в лице,
словно чудо, простую возможность прозренья.
И мгновенье сияет, как люстра в кольце...
Потому я сказал вам, как сын об отце.
И как требует время.

2014, Нижний Новгород